

Исторический вестник. 2022. Т. XL

Рауль Канский

«ДЕЯНИЯ ТАНКРЕДА»

Главы 140–157

Заметки переводчика

«Деяния Танкреда» (*Gesta Tancredi*) являются одним из основных источников по истории Первого крестового похода, а также утверждения франкского (в том числе нормандского) господства в Леванте. Полное название произведения: «Деяния Танкреда в иерусалимском походе» (*Gesta Tancredi in Expeditione Hierosolymitana*)¹. Латинский текст и французский перевод были опубликованы в 1879 г. в Париже, в рамках сборника источников «Recueil des Historiens des Croisades»; «Деяния Танкреда» вошли в четвертый том «Западных источников» указанного сборника. Именно на эту версию оригинального текста, опубликован-

¹ Рукописи также известны под еще одним названием «Деяния Танкреда, сицилийского короля, в иерусалимском походе» (*Gesta Tancredi, Siciliae Regis, in Expeditione Hierosolymitana*), однако это название вызывает вопросы, так как рожденный в Южной Италии (возможно — на Сицилии) Танкред Антиохийский/Галилейский никогда не носил титул «короля», в отличие от другого представителя династии Отвиллей — Танкреда (1138–1194), занимавшего с 1189 г. сицилийский престол. Так что возможно, здесь речь идет об ошибке переписчика и путаницы двух «Танкредов де Отвиллей» (умершего в 1112 г. князя Антиохийского и почившего в 1194 г. короля Сицилийского).

ную в 1879 г., мы и ориентируемся в рамках данного перевода². В 2005 г. братьями Бернардом и Давидом Бахрах был опубликован не только английский перевод «Деяний», но также комментарий к ним, а также фундаментальное исследование, посвященное Раулю Канскому и его тексту³. На сегодняшний день это основная критическая работа, посвященная указанному источнику. Русский перевод фрагментов «Деяний Танкреда» (касающийся его кампаний в период Первого крестового похода — 1097–1099 гг.) был опубликован в 1887 г. М.М. Стасюлевичем и в 1977 г. М.А. Заборовым.

О жизни автора — Рауля Канского — нам известно больше, чем о многих других латинских авторах эпохи Первого крестового похода (Тудебода, Альберта Аахенского, Раймонда Ажилльского, Анонимного автора «Деяний франков»). С точки зрения «биографического наполнения», единственным конкурентом Рауля Канского является Фульхерий Шартрский, так же как и Рауль, бывший капелланом двух подряд государей Латинского Востока⁴. Если по поводу анонимного автора «Деяний франков» существуют лишь предположения, что он был нормандцем, то о Рауле Канском это известно точно. Как следует из его прозвища, он происходил из округи нормандского города Кан, и, вероятно, происходил из мелкой дворянской или зажиточной бюргерской семьи. Поступив в кафедральную школу при Канском соборе, он получил хорошее — по меркам Франции того времени — образование. В своем произведении Рауль приводит аллюзии к классикам римской литературы (Ливию, Цезарю, Саллюстию и др.), к латинским переводам Иосифа Флавия, к приемам античной логики — в частности, к взаимосвязи причины и следствия; к последним он прибегает столь регулярно, что это сказывается на ритме и художественной составляющей текста, явно утомляя читателя. Получив рукоположение и став каноником в Кане, Рауль в 1106–1107 гг. перешел на службу, в качестве капеллана, к князю Боэмунду I Антиохийскому. Очевидно, что молодой и образованный нормандский клирик был рекомендован прославленному князю Антиохийскому во время его триумфального западного турне, в преддверии «балканского крестового похода» (второго нормандского вторжения на Балканы). Когда к осени

² *Radulfo Cadomensis. Gesta Tancredi in expeditione Hierosolymitana* // RHC Occ. III. Paris, 1866.

³ *Bachrach B.S., Bachrach D.S., ed. & trans. The Gesta Tancredi of Ralph of Caen. A History of the Normans in the First Crusade.* Aldershot, 2005.

⁴ Если Рауль был капелланом князей Антиохийских — Боэмунда I и Танкреда, то Фульхерий — капелланом королей Бодуэна I и Бодуэна II де Бурка.

1108 г. Крестовый поход Боэмунда I обернулся провалом, Рауль Канский покинул своего опозорившегося патрона и отбыл в Сирию, где перешел на службу — в том же качестве капеллана — к Танкреду. В этой роли он оставался до смерти второго князя Антиохийского, скончавшегося в декабре 1112 г. Отношение к Танкреду и Боэмунду I у Рауля Канского очень разное: Танкреда автор боготворит⁵, Боэмунда то прославляет, то критикует, в том числе за наглость, граничащую с глупостью, и за то, что он отбыл из Сирии, полностью подорвав ресурсы княжества Антиохийского. После смерти Танкреда Рауль покинул Антиохию, возможно, из-за конфликта с новым князем, Рожером, или же с Патриархом Бернардом Валенским. В случае добрых отношений с Рожером или с латинским Патриархом ничто не мешало бы Раулю провести остаток жизни в Антиохии, благоденствуя на положении княжеского капеллана или каноника собора Святого Петра, в роскошной скриптории которого ему ничто не мешало бы работать над своей книгой.

В кафедральной школе Кана Рауль учился у фламандского, тесно связанного с Нормандией клирика Арнульфа де Шоке, с которым связаны как рассвет, так и закат нормандского автора. Оставив Антиохию, Рауль отбыл в Иерусалим, где и провел остаток жизни. При покровительстве своего учителя Арнульфа де Шоке, ставшего Патриархом Иерусалимским, он вошел в число каноников Храма Гроба Господнего, в скриптории которого и начал работу над книгой, посвященной своему почившему духовному сыну и государю. Книга «Деяния Танкреда» осталась незавершенной, вероятно, в силу смерти автора. Поэтический рефрен к смерти не только Боэмунда I, но и его сына трактуется авторами как свидетельство того, что Рауль Канский дожил до 1130 г. и гибели Боэмунда II в битве у Аназарвы. Однако, со своей стороны, укажем на возможность того, что речь идет не о смерти Боэмунда II, но о кончине старшего сына основателя княжества — Жане/Иоанне, умершего около 1115 г. Следовательно, хронологические рамки жизни автора могут быть привязаны как к 1115, так и к 1130 г.

Примечательно, что Рауль Канский — автор, который провел почти четверть века на Востоке — не является первоисточником, когда дело касается событий Первого крестового похода или даже поздних событий, описываемых в своей книге. Как и Альберт Аахенский, он писал

⁵ За эту черту Рауль регулярно подвергается критике и даже насмешкам историков; в частности, сэр Стивен Рансимен открыто именовал его «сикофантом». См.: *Runciman S.A. History of the Crusades. Cambridge, 1951–1954. Vol. II. P. (?)*.

со слов и свидетельств участников рассматриваемых событий. Однако двумя фундаментальными отличиями Рауля от Альберта (при гораздо более полном, детальном и фактическом наполнении «Иерусалимской истории...» последнего) стало то, что Рауль имел возможность говорить непосредственно с Боэмундом I и Танкредом, а также то обстоятельство, что он своими глазами видел Иерусалим, Антиохию, Латакию, киликийские и сиро-палестинские города.

Для данного перевода мы сознательно выбрали последние семнадцать глав «Деяний Танкреда», которые не связаны с известными по другим переводам описаниями основных этапов «пути в Иерусалим», но сосредоточены исключительно на становлении государств «Заморской земли» (Outremer), Латинского Востока, добрая половина которого находилась во власти нормандских князей Антиохийских. Хронологические рамки рассматриваемых глав охватывают период между весной 1100 г. и рубежом 1105–1106 гг., когда повествование Рауля Канского обрывается, бросив читателя в момент, когда Танкред вел параллельные осады двух великих городов сирийского тетраполя — Латакии и Апамеи.

Фундаментальной темой в этой части истории стало противостояние не только между нормандцами и другими франками, но и между двумя основными героями повествования — Боэмундом I и Танкредом, в котором автор неизменно занимает сторону последнего. Говоря о борьбе нормандцев с провансальцами, Рауль с открытым ликованием «смакует» такие эпизоды, как вероломное пленение, ограбление и унижение графа Раймонда Сен-Жильского Танкредом, а также открыто издевается над обретенной провансальцами реликвией — «Святым Копьем Антиохийским» — и над смертью нашедшего «реликвию» Петра-Варфоломея (умершего после «испытания огнем», устроенного учителем Рауля — Арнульфом де Шоке). При всей идеализации своего героя и самой идеи «пути в Иерусалим» и нормандского покорения Востока, Рауль открыто показывает всю сложность положения, в котором оказывались его собратья, и неоднозначность их отношений друг с другом, в том числе в походе. Описания отступления после битвы у Харрана (май 1104 г.) содержат истории о крайне характерных взаимоотношениях основной массы войска с высшей знатью и церковной иерархией. К примеру, как изможденные простые воины сбили собственную стражу с постов у брода, дабы начать бегство, в то время как князь Боэмунд I и представители высшего нобилитета спали в шатрах; или когда — при том же отступлении — Патриарха Бернарда Антиохийского, призывавшего расседлать коней, бросить поклажу и налегке уходить, фактически

игнорировало все войско, а помощь самому архипастырю — в обмен на отпущение грехов — оказал лишь один простой воин. Приводит Рауль и массу бытовых деталей: тот факт, что в походе под лучами ближневосточного солнца некоторые франко-нормандцы (по крайней мере чувствовавший себя в относительной безопасности нобилитет) предпочитали не надевать кольчуг, пока не окажутся в виду противника; или то, что вне ближнего боя кольчуга сдерживала попадание стрел, так как при осаде Латакии ромейские стрелы попадали франко-нормандским воинам «в лица и руки». Отдельного внимания заслуживает описание Латакии, ее топографии и архитектуры, гарнизона и населения этого города, бывшего в XI–XII вв. наряду с Антиохией одним из главных плацдармов православного мира в Сирии и центром византийского противостояния с нормандцами на всем Ближнем Востоке. Наконец, именно Рауль Каннский открывает для нас уникальное и крайне характерное воззрение нормандского завоевателя на покоренные и окрестные народы, когда он — при всей свойственной ему патетике — рассказывает о «добровольно-принудительном» изъятии средств у знатных восточнохристианских мужей Антиохии, о восстаниях сирийских и киликийских городов против франков, о том постоянном маятнике между триумфом и осажденным положением, в котором оказывались нормандцы (и другие «устроители» латинских государств) в Средиземноморье.

С.П. Брюн

Рауль Канский / Radulfus Cadomensis

**ДЕЯНИЯ ТАНКРЕДА
GESTA TANCREDI**

Главы 140–157

CXL.

Boamundus et Balduinus Jerusalem pergunt.

His diebus Boamundus et Baldoynus Gottifredi regis frater, de quo supradictum est, votum eundi Jerusalem complere cupientes, cum non parva militum manu iter arripiunt: qui dum per vallem Camelae et Damasci viciniam, nec non per Caesaream Philippi incederent, mirabile dictu per medios hostes, qui circumquaque exploraturi discurrebant, liberi transierunt: erat autem quadragesimalis diei tempus. Qui cum Jerusalem properassent, gaudia ibi paschalia cum rege Gottifredo celebrarunt. Quo videlicet tempore Daybertus Pisanorum episcopus vir in litteris potentissimus atque eloquentissimus; qui in multis navibus Joppem aggressus fuerat, eodem Boamundo juvante, in patriarchatum Jerusalem sublimatur. Arnulfus autem magnae indolis vir, quanquam dignitatis hujus electione donatus [0579B] fuerat, tamen libentissime annuit, sperans Christianitatem ibi magis in illo quam in se profuturam. Ordinantur ibi quatuor episcopi, scilicet Roggerius Tharsi, Mamystae Bartholomeus, Bernardus Artasii, Benedictus Edessae, qui cum Boamundo et Baldoyno in presbyteratus officio positi venerant. Expleta itaque solemnitate paschali, Boamundus cum tribus suis patribus revertitur, reddens singulis civitatibus praesules suos. Baldoynus quoque cum suo archiepiscopo Benedicto Edessam, cujus ipse comitatum tenebat, rediit.

Глава 140**Боэмунд и Балдуин отправляются в Иерусалим.**

В то время Боэмунд и Балдуин, брат короля Готфрида (о котором я говорил выше), желая исполнить свою клятву пути в Иерусалим, выступили со значительной военной силой. Когда они пришли в долину Камель

и окрестности Дамаска, они не только прошли Филиппову Кесарию, но и удивительным образом миновали своих врагов, которые рыскали здесь и там в надежде их обнаружить. Было время Великого поста. Когда они достигли Иерусалима, они с радостью отпраздновали Пасху с королем Готфридом. В то же время Даимберт, епископ Пизы, ученейший и красноречивый муж, прибыл в Яффу с великим множеством кораблей. При помощи Боэмунда он был возведен в сан Патриарха Иерусалимского. Арнульф, будучи мужем великой щедрости, свободно дал на это свое согласие, хотя он уже был избран в это достоинство. Он надеялся, что другой сможет успешнее его распространять христианство. Четыре других епископа были рукоположены там, а именно — Рожер Тарсийский, Мамистрийский Варфоломей, Бернард Артский и Бенедикт Эдесский; они прибыли с Боэмундом и Балдуином после своего возведения в пресвитерский сан. Когда пасхальные празднества завершились, Боэмунд вернулся со своими тремя отцами [епископами], поставив каждого епископа в его городе. Балдуин же вернулся с архиепископом Бенедиктом Эдесским в свое графство.

XLI.

Urbem Meletaniam ab obsidione liberat Boamundus. Praelio commisso a Turcis captus abducitur.

Nec mora Boamundus ipse, cum audisset a relatoribus, urbem Meletaniam Turcorum armis circumdatam esse, quae decem dierum itinere aut plus ab Antiochia distabat; coacto in unum exercitu, ad liberandum eam ire conatur. Verum Turci cognoscentes illum jam in proximo adesse, obsidionem ex industria dimittentes, ut eorum est consuetudo, recesserunt. Magis enim ipsi ad tempus vel horam terga vertendo, quam accedendo praevalent. Nam et fugiendo spicula ejiciunt, seseque insequentes vulnerant. Boamundus ergo cum civitati appropinquans Turcorum aciem non reperisset, consultum est sibi a suis quatenus urbem ingressus paululum ibi prius requiesceret; ac sic postea quiete refotis viribus suis, contra Turcos ad debellandum exiret. Qui non credidit eorum consiliis, sed ex stulta audacia immoderanter praesumens, absit, inquit, ut Boamundus quod nunquam fecisse meminit, modo facturum sit; hoc enim faciunt vulpes, quae mox ubi latrantes canes audierint, latebras quaerentes absconduntur. Ivit igitur post Turcos, eosque inveniens, cum eis praelium, quod utinam nunquam iniisset, mox inchoavit. Cumque hi et illi simul praeliarentur, Boamundus retinetur, ligatur, Mahummicolis magnum gaudium, vae miserabile Christianis facturum. Qui

deinde in Romaniam ad Anismam regem vinculis mancipandus perducitur: de cujus post captione Antiochia misera facta ita manebat, ut non esset qui adjuvaret eam, neque consolaretur.

Глава 141

Боэмунд освобождает град Мелитену от осады.

Однако при начале сражения он попадает в плен к туркам, которые увозят его.

Когда Боэмунд услышал о том, что град Мелитена был окружен войсками турок, он немедленно собрал свою армию и выступил, чтобы попытаться освободить город, хотя он лежал в десяти или более днях пути от Антиохии. Когда турки прознали о том, что он был в их краях, они преднамеренно сняли осаду и, как было у них заведено, отступили. Они чаще добивались успеха, по крайней мере кратковременно, отступая, а не атакуя, поскольку они привыкли стрелять из луков во время бегства, раня тем самым своих преследователей. Когда Боэмунд прибыл к городу и не увидел там турецкого войска, ему посоветовали войти в город — пусть на время — и отдохнуть. После, когда его люди восстановят силы, он смог бы снова выступить и сразиться с турками. Но он не последовал этому совету. Вместо этого, следуя собственной глупой наглости, он сказал: «Негоже Боэмунду сейчас делать то, чего он отродясь не делал. Они же ведут себя как лисы, которые ищут укрытия в тени, как только услышат лай собак». Так, он выступил против турок и вскоре вступил с ними в битву, в которую ему не следовало бы вступать. Во время сражения Боэмунд был захвачен и связан. Это стало поводом для великой радости магометан и несчастий для христиан. Его увезли, в цепях, в Романию, к царю Данишмендов (Anismam regem). После его пленения Антиохия оказалась в тяжелом положении, и никто не мог помочь или даровать утешение [городу/княжеству].

CXLII

Godefridi regis obitus.

Sequitur e vestigio miserrimus casus, quo Jerusalem non minori luctu affligebatur. Nam Gottifredus, rex optimus et timens Deum, capto mox Boamundo ex hac luce migravit. Erat enim jam annus unus evolutus ex quo regnare coeperat, cum ad obitum pervenisset. Qui tamen antequam

praesenti luce caruisset, dum corporis infirmitate teneretur, ad se patriarcham Daybertum atque Arnulfum, caeterosque accersiri jubet, quibus ille: «Ecce, inquit, viam universae terrae ingredior. Modo ergo adhuc me vivente consilium inter vos habeatur, et quis vice mei in Jerusalem regnare debeat praevideatur». At illi respondentes: «Nos, inquit, magis hoc in tua providentia ponimus, et quem nobis ad hoc ipsum elegeris, ei procul dubio subdemur». At ille: «Si, inquit, in mea dispositione statuitur, Balduinum fratrem meum ad hoc culmen suscipiendum idoneum judico». At illi Balduinum audientes, continuo unanimiter consentiunt, laudant, eique jurejurando fidelitate firmata subduntur; quoniam illum virum liberalem pecuniae, studiosum militiae, affatu humilem, magnanimitate sublimem cognoverant. Haec quippe omnia natura ipsa, ut ita dicamus, in eo manu propria exsculperat. Erat enim ille, sicut superius dictum est, in Rages quae et Edessa dicitur, dux constitutus ibique tunc morabatur.

Глава 142 Смерть короля Готфрида.

Новое несчастье пришло вслед за предшествующим, из-за чего Иерусалим страдал еще больше. Ибо Готфрид, великий король и богобоязненный муж, умер вскоре после пленения Боэмунда. С начала его правления и до момента его смерти миновал год. Однако до своей кончины, когда он еще пребывал в тисках своей телесной болезни, он призвал к себе Патриарха Даимберта, Арнульфа и других. Он сказал им: «Узрите, скоро я войду в мир вечный. Пока я еще живу, я хочу услышать ваш совет о том, кого следует поставить вместо меня, чтобы он правил Иерусалимом». Но они отвечали: «Мы доверяем твоему провидению. Кого бы ты ни выбрал, мы будем ему повиноваться без всякого сомнения». Тогда он ответил: «Раз таково ваше решение, я считаю, что подобает моему брату Балдуину занять это высочайшее из мест». Когда они услышали имя Балдуина, все немедленно с этим согласились, восхвалили сей выбор и поклялись — клятвой твердой — повиноваться ему. Они признавали в нем мужа щедрого в деньгах, ученого в войне, смиренного в своей славе и исключительно великодушного. Можно сказать, что природа своей рукой создала его [для этого служения]. В то время, как было сказано выше, он находился в Рухе (Rages), именуемой также «Эдесса», где он был утвержден в качестве герцога/дуки и где пребывал уже значительное время.

СХLIII

Balduinus succedit Godefrido in regno Jerosolymitano; Antiochiae sufficitur Tancredus, qui Mamystam, Adanam et Tarsum sibi subjicit.

Sed interim sepulto ante Golgotha rege praescripto, mittitur Edessam nuntius, cujus accitu Balduinus Jerosolymam veniat, germani sceptro successor creandus; idque magnae dissensionis et belli flammam suscitasset: sed eadem qua Balduinus accersitus necessitate, vocati ad regimen Antiochiae Tancredi abscessus litem praecidit. Substituti ergo haeredes, Jerosolymis Balduinus, Tancredus Antiochiae, certatim ad famam currunt; tum ne a seniorum virtute degeneret junior, tum alter alterius invidia succensi. Praeterea Marchisidam urget suspecta dignitas, quod magis hospes, quam princeps ipse sibi videtur: unde tanto experrectiorem esse eum oportuit, quo suspectior erat brevitatis principatus sub Boamundi reditum finem exspectans. His exercitus curis primo Balduinum a se exterminat, qui inter Antiochenos potentior, jugum novum indignabatur. Is sub Boamundo militiae principatum obtinuerat: sed jam erexerant ejus animos partim, ut fieri solet, princeps novus, partim tradita sibi ad regendum Edessa. Quo expleto, mox ad ampliandos fines animum Tancredus intendit, quos paulo ante, Boamundo regnante, Graeci contraxerant. Igitur Mamystam, Adanam, Tharsum, brevi, sed acri molimine debellat, secundoque suis legibus subjicit, praedecessoris incuriae primitus elapsas.

Глава 143

**Балдуин наследует Готфриду в королевстве Иерусалимском.
Танкред берет власть над Антиохией и завоевывает Мамистру,
Адану и Тарс.**

Но в то же время, после того как вышеупомянутый король был погребен у Голгофы, в Эдессу был направлен посланник, дабы Балдуин смог прийти в Иерусалим, куда он был призван, став нареченным наследником скипетра своего брата. Это вызвало пламя великой распри и войны. Но отбытие Танкреда — для принятия власти над Антиохией, вызванное той же необходимостью, что и призвание Балдуина, — упредило столкновение. Наследники заняли свои места, Балдуин в Иерусалиме и Танкред — в Антиохии, оба с готовностью устремляясь к славе. Младшие были не менее достойными, чем старшие, пусть каждый и горел ревностью друг к другу. Его новообретенное положение довлекло над сыном

маркиза, ибо он казался скорее гостем, нежели князем. Ему необходимо было проявить себя, ибо его княжеское правление обещало быть кратким. Он ждал, что правление его закончится, как только вернется Боэмунд. Трудясь в подобных условиях, он в первую очередь отстранил Бодуэна [Бодуэна II де Бурка — С.Б.] от командования войском. Балдуин был одним из властных мужей в Антиохии и с неприятием относился к новому ярму. Он получил командование над гарнизоном Антиохии при Боэмунде. Это обстоятельство, наряду с тем, что он стал новым князем и правителем Эдессы, как часто случается, вскружило его дух. Когда это было сделано [т.е. Бодуэн II де Бурк был отстранен от командования войсками. — С.Б.], Танкред преисполнился стремлением к расширению границ княжества, до тех пределов, которыми некогда правил Боэмунд, но которые незадолго до того были сокращены греками. По этой причине он провел краткий, но энергичный поход против Мамистры, Адамы и Тарса, подчинив их — вторично — своей власти, раз в первый раз они отпали из-за неосторожности его предшественника.

CXLIV

Laodiciam expugnat.

Inde revertens Laodiciam totis viribus aggreditur: sed naturae praesidio munita, viro obstitit, cui nec ferrum, nec calybs, nec marmor, nec prorsus hominum labor norant obsistere, Urbs ea, sicut hodie ex ruinis ipsius deprehendere est, quondam nobilis, ecclesias, populum, opes, turres, palatia, theatra, et hujusmodi quae habent aliae, inter alias cuncta habuit praeclara. Excipio Antiochiam, nulla per circuitum urbs tanta priscae nobilitatis reservat insignia. Columnarum ordo multiplex, aquae per abrupta ductus, turrium ad astra eductio, effigies per compita excubantes, omnia pretiosa, ars et materia de praeterita praesenti, de integra dirutae, de populosa desertae testimonium perhibent, utpote post tot soles, post tot grandines, opus adhuc insigne. Hujus longitudinem terminant ad ortum tumulus, ad occasum mare: latitudinem hinc inde planities: per circuitum aut murus aut ruina: infinitas populi nil reformidans, ipsa caeteris gentibus formido: suo tempore multo aggere includi spreuit, paucis munimine contenta. Sed redeo ad tumulum, quod jam solum adversus hostes supererat munimen. Ille arduus atque in vertice spatiosior cives receperat, qui dimissa planitie, illuc confugerant bellici fremitus terrore percussi. Arduitas ipsa vel sine muro repelleret obsessores: quo tamen coronata, duplex robur adversariis objicit, hinc artis, hinc naturae. His confisi claustris

Graeci Tancredum expectant adventantem: at princeps bellum et sciens et sitiens, aliquot praemittit cursores, qui aut elicitos capiant, aut eliciant capiendos. Graeci vero, ut semper vigilantissimi, adversus haec praecavent: quatenus nec deprehendantur vagi, nec exeant provocati. Dementiae ascribunt portas egredi: qui cum de turribus exclusos aspiciunt, inclusi tremunt. Ab hoc ipso princeps argumentum timoris accipit; et: «Io! comites, exclamat: aggrediamur ovile hoc; videtis arduum, scitote vacuum. Plenum est opibus, at sine viribus. Nulla est prorsus audacia militis, qui non erubescit includi portis. Conscendamus aggerem, murus, dico, aut securibus cedat, aut scalis». Jubet princeps, accelerat miles, curritur ad muros: malleus, ligo, securis, et hoc omne genus ad portas fremit: illae quamvis duplices, quamvis ferreae, non ferunt: tremunt quasi simplices ac vimineae. Videns civitas ferrum, marmora caedere ictibus; quin ipsam strenuitati naturam, diffisa claustris, ad arma vertitur. Molem saxeam de turribus pluit, nullum teli genus jactu vacat, nemo intra moenia otiosus. Expulerat pavorem hostis necis pavor; dumque effectus instat propior, efficacius repellitur causa efficiens. Praeterea commoditas ipsa populum invitat: quippe de turribus saxa demittere pronum est cuius aetati ac sexui. Sagittae contra ad turres volant, quibus saepe aut effoditur oculus, aut perfoditur manus. His decernitur vicibus; donec exhaustae tam vires, quam pharetrae refici postulant: praesertim ferrum calybs dum portas frangunt, ipsa quoque nunc dissiliunt, nunc franguntur.

Глава 144

Он атакует Латакию.

После этого, обратившись к Латакии, он атаковал ее со всей своей мощью. Это место, которое отлично защищено природными рубежами, сопротивлялось этому мужу, пред которым пали и железо, и сталь, и любые человеческие усилия. Руины того города указывают на то, что он был некогда благородным, с церквями и обильным населением, с богатством, башнями, дворцами, театрами и всеми другими вещами, которые придают место величие. Кроме Антиохии, ни у одного другого города не было — внутри его стен — столь великих признаков древнего благородства. Множественные ряды колонн, акведуки, бегущие над пересеченной местностью, башни, вздымающиеся к небесам, статуи, лежащие в подходящих местах, все созданные из драгоценных материалов. Все эти достопримечательности, сохранившиеся после столь длительного времени и стольких разорений, свидетельствуют о прошлом города в сравнении с его настоящим, о его

былом состоянии в сравнении с его разрушенными остатками, о его многолюдном населении в сравнении с нынешней заброшенностью. В восточном направлении город устремлялся к небольшому холму, в западном — к морю. Вдоль одной из его окраин простиралась равнина. Город окружали либо стены, либо руины. Многолюдное население не боялось ничего и, напротив, само служило источником страха для окрестных народов. В свое время он [город] решил не замыкаться в части, окруженной стенами, довольствуясь лишь немногими укреплениями. Но я вернусь к малому холму, который служил единственной защитой от врагов. Этот сложный и крутой холм принимал на своей просторной вершине горожан, бежавших с равнины, когда они преисполнялись страхом от ужасов битвы. Крутого подъема было бы достаточно, даже без стен, для отражения осаждавших. Но поскольку холм был увенчан стеной, он предоставлял двойную защиту против врагов, одна линия которой была возведена природой, другая — усилиями людей. Защищенные этими стенами, греки наблюдали за приближением Танкреда. Но этот вождь, бывший знатоком войны и одновременно преисполненный нетерпением, выслал вперед множество застрельщиков, дабы они смогли захватить тех, кто вышел [за стены], или выманить их наружу. Но греки, как обычно, были весьма бдительными и со всей осторожностью следили за тем, чтобы никто не был захвачен, бродя за стенами, и ни одного из них не удалось спровоцировать к вылазке. Они считали каждого, вышедшего за линию обороны через врата, безумцем. Когда они смотрели на тех, кто был за пределами их башен, они дрожали от ужаса, несмотря на то что сами оставались под защитой. Видя подобное поведение, Танкред пришел к выводу, что они были в страхе. Он воскликнул: «Соратники мои, давайте же атакуем этот загон для овец! Вы видите, что это сложно, но вы знаете, что внутри он пуст. В нем множество богатств, но в нем нет мужей. Любой настоящий воин постыдится прятаться внутри врат. Давайте же нападём на холм. Говорю вам, стена падет перед нашими топорами и нашими лестницами». Князь отдал приказ, а его воины атаковали. Они просились к стенам. Молоты, кирки, топоры и все прочие инструменты подобного рода покрывали ударами врата. И несмотря на то, что они были двойными вратами, выкованными из железа, они не смогли выстоять и дрожали так, словно бы это были лишь одинарные врата, сплетенные из прутьев. Видя, что железо, и камень, и даже сама природа сдавались под этими ударами, граждане оставили безопасность своего укрытия и взялись за оружие. Тяжелые камни падали с башен. Ни у одной из сторон не было недостатка в копьях. Никто внутри стен не отдыхал. Страх смерти изгнал страх перед врагами. Воистину, чем больше их охватывало

следствие их страха, тем эффективнее им удавалось отгонять его причину. Более того, само это место подталкивало людей к участию. Любой человек — любого пола и любого возраста — мог сбрасывать камни с башен. В свою очередь, стрелы также летели с башен. Они часто пронзали глаза и руки. Так действия обеих сторон привели к тому, что каждой необходим был роздых, когда и силы, и колчаны оказались совершенно опустошенными. Тем более что железо и сталь, используемые для сноса врат, сами, в свою очередь, разлетелись и были разбиты.

CXLV

Raimundus comes Tripolim obsidet; auxilium ab imperatore deposcit; captus Antiochiam cum opibus ducitur.

Sed dum sic pugnatur annus transit, in quo tamen aliquando Raimundus comes Graecis opitulari volens, repellitur: aliquando Turci principes disperguntur. Postremo laboranti Hierusalem strenuissime subvenitur. Haec unus omnia operatus est, sic tamen ut obsidionem non solveret Tancredus, illa semper incolumi. Ipse Persas, ipse Aegyptios, ipse Provincialem, ut diximus, comitem debellavit. Comes ille mirae audaciae vir Tripolim obsidebat, tot millia unus circiter 400 partim pedites partim milites habens Christianos. Eo fretus numero, colliculum urbi vicinum muro et turribus munire coepit, quem etiam montem peregrinum, urbana quadam comitate, quod commune erat, sibi minime usurpans nuncupavit. Illic residens, urbem proximam crebris assaultibus infestabat, nec minus urbani novum illud municipium pene diruebant. Perquam rarissimus fulgebat dies qui sequestram planitiem utroque, sive alterutro sanguine conspersam non videret. Adeo multitudinis opes alios, alios paucitas inops ad bellum stimulabat: quoniam ubi rarus est bellator, ipsa sua raritas animos accendit: ubi multus, dispendia cruoris facile tolerantur, fitque voluptati horror bellicus. Sic recalcitrando castrum, et civitas, diminutio popelli sui Raimundum terret: eadem ipsum transfretare atque a Graeco imperatore auxilium implorare compellit. Fert secum apocrypham illam cuspidem, cujus supra mentio facta, inventorem suum per flammam temporales ad aeternas transmisit; hanc, inquam, secum asportat Alexio munus. Remuneratur et ipse summopere, gratus quidem quod sua, longe autem gratior quod seipsum obtulerit: eundo namque Jerusalem invitatus nescivit supplicare, redux supplicat; inde, quanto ante fuerat surdior rogatus; tanto post fit exauditor, rogans. Cumulat gratia concors odium Antiochia tam huic, quam illi inimica. Remittitur ergo cum magnis, ut dixi,

muneribus ad expugnandum hostem amborum Marchisidam. Deliberant [0582D] intra homines: judicat qui sedet super Cherubim in coelo Deus. Mittis Alexi Tancredo gazas, dum Raimundi biremes, donis tuis refertae pene submerguntur; quae felicibus tamen auspiciis multa infelicitatis loca praeterlapsae in hostilem fiscum ad portum Tharso proximum deferuntur: nothis agitatae furentibus, inimicorum manus nequeunt declinare. Volante autem ad aures principis fama, praecipitur comitem Graecasque opes Antiochiam duci; eum, ad servandum; eas, ad spargendum. Nec tamen diu tenetur quidquid jubetur, abjurat et jurat. Sicque adjurato claustra panduntur, alioquin vita comite servando claudenda. Volvuntur caetera fortunae nutu, fit modo quispiam de paupere dives, item pauper de divite

Глава 145

Граф Раймонд осаждает Триполи. Он требует помощи от императора. После пленения его увозят в Антиохию вместе с его сокровищами.

Множество, множество битв прошло на протяжении этого года. Граф Раймонд, желавший помочь грекам, был изгнан. Вожди турок были изгнаны. Наконец Иерусалим получил помощь во время великого треволения. Один человек смог совершить все это. При этом Танкред не останавливал осады Латакии, но продолжал ее. Как мы сказали, он изгнал персов, египтян и провансальского графа. Этот граф, человек поистине удивительной наглости, осадил Триполи; один человек против многих тысяч. У него было около 400 воинов-христиан, включая тяжеловооруженных конных воинов и пехотинцев. Доверившись этому числу воинов, он начал укреплять стеной и башнями небольшой холм близ башни. Он назвал его Горой Пилигримов [Монт Пелерен], узурпировав титул, который принадлежал всем. Оставаясь там, он снаряжал многочисленные нападения на город. Горожане, со своей стороны, едва не уничтожили его крепость. Редким был день, когда кровь с обеих сторон не проливалась на разделявшую их равнину. Одна сторона черпала силы из своего великого богатства, другая — малостью своего войска и нищетой. В подобных условиях, когда так мало войск, сама эта малочисленность воспламеняет дух. Однако, когда в наличии множество воинов, легче терпеть пролитие их крови, что начинает восприниматься лишь как фактор в ужасах войны. Но, в то время как крепость и город противостояли друг другу, ослабление собственного войска устрало Раймонда. Это, в свою очередь,

принудило его отправиться и молить греческого императора о помощи. Он привез с собой апокрифическое копьё, упомянутое выше, которые отправило обретшего его в пламя мирское и пламя вечное. И эту вещь, говорю я, он привез с собой Алексею в качестве дара. В ответ он получил щедрые награды. Будучи благодарным за привезенный дар, [Алексей I Комнин] был еще более благодарным за то, что [Раймонд] явился лично. Ибо, когда он отправлялся в Иерусалим, он не желал просить о помощи, даже когда ему ее предлагали. Теперь же он вернулся как проситель. В то время как тогда он обращал глухое ухо к просьбам, прося о помощи, он обратился в хорошо внимлющего. Ненависть — вот общий фактор, соединивший их [Алексея I и Раймонда]. Антиохия была врагом каждому из них. Так, говорю я, Раймонд был отослан обратно с великими дарами, ради того, чтобы сразиться с их общим врагом, сыном маркиза. Люди решают дела на земле, а Господь, восседающий над херувимами, решает в раю. Алексей, Ты даровал сокровища Танкреду, когда галеры Раймонда, нагруженные твоими дарами, чуть не потонули. Пройдя множество мест, что сопровождалось недобрыми знаменьями, они [сокровища] были доставлены со счастливыми знаменьями в сокровищницу твоего врага, то есть в близлежащий порт Тарса. Потрепанные бурями, они не смогли избежать рук их врагов. Когда известие об этом достигло ушей князя, он приказал, чтобы графа и греческие сокровища привезли в Антиохию, дабы они послужили ему и чтобы никто не расхитил их. Однако графа там держали не долго. Он отрекался от всего и клялся во всем, что ему приказывали. После принесения клятвы ворота города были ему открыты. В этом отношении граф спас свою жизнь, но существенно сократил свои возможности. Так дела меняются волею судьбы; бедные становятся богатыми, а богатые становятся бедными.

CXLVI

Laodicia anno et semis expugnata capitur.

At Tancredus semper in eodem agone permanet, quod semel coepit nunquam deserit. Laodiciam obsidet, nec nisi captam dimissurus. Jam tamen annuae ac pene semis morarum taedere coeperat: cum Deus artem qua posset capi civitas inspiravit. Assueverant clausi insidiari clausoribus, et dum in meridie foris dormiretur: aliquando cum impetu de intus erumpebant: ut non sine caede et rapina somni rumpentur. Clamore facto exciti Franci armabantur; Laodicenses interim re peracta illaesi redibant: ita semel, secundo, tertio

quoque exercitum fallentes, ipsos se fallendi viam ostenderunt: quoniam ubi saepius nec dissimiliter idem iteratur, Tancredus ut arte artem deludat, insidiis insidias rependit. Praecipit tentorium construi, cujus capacitati par nullum ante visum fuerat nec auditum: quaeritur quoque pinus altissima tanto oneri columna sustinendo. Dixit, et facta sunt. Igitur arbor, sinus spatiosi per gyrum explicantur, funes, laquei telas et coronant et tendunt. Putant qui vident superbe actum, uti solent, ob fastum sublimare palatia in urbibus urbani. At Tancredus in ortu luciferi militiam vocat, et eam sub umbraculo stipat equis insidiantes, ubi opus fuerit, nihil cunctaturos, quibus nec calcar deerat ad bellandum. Sole autem orto partem non modicam exercitus in oculis hostium frumentatum mittit, reliqui sumpto cibo sopori vacare simulantes, spem rapinae atque opportunitatem spectatoribus promittunt. Videntes oppidani altum omnia tenere silentium, sperant quoquomodo consueverant turbare exercitum, celerique reditu improvisae tarditatem evadere ultionis. Egrediuntur ergo certatim currentes ad spolia, alii aliis praecursum invidentes. Paucis manentibus fere exeunt omnes, adeo incautos fallebat opportunitas simulata: currunt ad praedam et indulgetur: oneratis jamque ad portas regredientibus, intercurritur. Nam qui obumbrati et parati exspectant, confestim via patefacta accelerant, portis oppositi, reditum excludunt. Tancredus super exclusos irrui, sine cunctatione aut capiuntur, aut necantur. Perterriti itaque reliqui custodes et paucissimi facti, neque muris, neque sibi confidunt: petunt ultro pacem, reseranda offerunt claustra, ad ingressum invitant, tuti commercio egressus. Placet principi, sicque post labores diutinos, quietis domum Antiochiam revisit.

Глава 146

Латакию захватывают спустя полтора года.

Но Танкред всегда преуспевал в задачах, которые ставил себе. Когда он начинал что-то, он не отступал от намеченного. Он мог осадить Латакию и не оставлял города, пока он не был захвачен. Теперь же прошло полтора года, и Господь вдохновил его, открыв ему путь, благодаря которому город мог быть захвачен. Осажденные привыкли устраивать засады для осаждающих. Посреди дня они иногда вырывались, атакуя, и тревожили тех, кто спал, часто сея смерть и грабежи. Когда поднимали тревогу, пробужденные франки вооружались. Но к тому времени мужи Латакии возвращались невредимыми после своего нападения. Они нападали на войско один раз, второй, третий. Но тем самым они указали на маршрут, которым они пользовались для нападений, ибо они

часто возвращались по одному и тому же пути. Дабы ответить хитростью на хитрость, Танкред устроил засаду для устраивавших засады. Он приказал поставить шатер, размер которого превышал любой, который кто-либо видел или о котором кто-либо слышал. Надлежало найти самую высокую из возможных сосен, дабы она служила опорой для великой тяжести [шатра]. Танкред сказал, и это было сделано. Дерево было найдено, и его объемные изгибы были поставлены в центр окружности, а его ветви были покрыты и перевязаны. Горожане видели это горделивое деяние, думая, что это пышное зрелище призвано превзойти дворцы города. Но на рассвете Танкред призвал своих тяжеловооруженных воинов и поставил их в тени, верхом. Когда настанет время, им надлежало броситься в атаку без промедления, при помощи своих шпор. После восхода солнца Танкред отправил значительную часть своего войска собирать зерно, и сделал это на глазах у противника. Когда они [воины Танкреда] ушли, он поел и сделал вид, что отправляется спать, тем самым дав надежду наблюдавшим на наживу. С высоты горожане смотрели в тишине и надеялись на то, что, по установившейся привычке, они смогут потревожить войско и сбежать, быстро отступив до того, как противник сможет — в силу своей неспешности — попробовать им отомстить. Оставив лишь небольшое число мужей, почти все они выступили. Подстроенная возможность обманула неосторожных горожан. Они часто выступали за добычей. Затем, нагруженные, они сталкивались друг с другом, возвращаясь к своим вратам. Теперь же, те, кто приготовился и прятался в тени, без промедления атаковали, как только путь был открыт. Они удержали позицию у врат, обратившись против возвращавшихся. Тогда же Танкред набросился на тех, кто оказался запертым снаружи, перебив или пленив их без всякого промедления. У них не было надежды ни в стенах, ни в себе. Они искали мира и предложили сдать стены наступающим, если будет достигнуто соглашение о их безопасности. Это устраивало князя. Так, после долгих трудов он вернулся домой, в Антиохию.

CXLVII

Archiepiscopus Mediolanensis cum comite Pictavensi contra Danisman superatur; redimitur Boamundus.

Tunc temporis Anselmus Mediolanensis archiepiscopus, Willelmusque comes Pictaviensis contra Danisman in Romania praeliati, archiepiscopus

interimitur: comes vero vix Turcorum manus evasit fuga lapsus; tandem vero pauper, inops, nudus ad Ciliciam confugiens, ubi ad Tancredum pervenit, Tancredum invenit. Omnium enim bonorum opulentia cumulatur susceptus, qui omnium suscipitur egenus: exin confortatus, ad montem peregrinum transit, illic qui Jerusalem eant, a comite accipit comitatum. Ea tempestate Boamundi redemptio sollicitat populum, praecipue Balduinum comitem, qui Tancredi praecipuus erat inimicus. Is monendo, spondendo, increpando, Antiochenos pulsat, ut carcerem Boamundo aperiant. Bernardus quoque patriarcha recens summopere nititur, quasi retribuens quod eum de ipso carcere sublimaverit Boamundus: nec Tancredus tamen huic studio obviat, licet Boamundi redditio prosperitati ejus obviatura videatur. Partim his, partim illis aspernantibus: Boamundus revertitur decem miriadibus Michelatorum. Reddit ei Tancredus quod acceperat, et quod non acceperat: alterum quidem libens, atque alterum coactus. Laodiciam, Mamistam, Adanam, Tharsum proprio sudore partas, reddere cogitur, alioquin catenis et ferro mancipandus. Sic bonis omnibus, socia etiam militia nudato, vix tandem oppidula duo supplici suppleantur.

Глава 147

Архиепископ Милана и граф Пуатье разбиты данишмедами. Боэмунд выкуплен.

В то время Ансельм, архиепископ Миланский, и Гильом, граф Пуатье, сразились с данишмедами в Романии. Архиепископ был убит, а граф едва спасся от турок. Он бежал истощенным, безнадежным и голым в Киликию. Там он (...) нашел Танкреда. Тот, кто был найден лишенным всего, был принят и ему были предоставлены с избытком все блага. Так, утешенный, он отправился на Монт Пелерен. Отправляясь в Иерусалим, он принял эскорт от графа [Раймонда Сен-Жильского]. В то время сбор выкупа за Боэмунда лежал тяжким бременем на народе, особенно на графе Балдуине [Балдуине II Эдесском], кто был особенным врагом Танкреда. Балдуин обременял антиохийцев предупреждениями, мольбами и укорами, дабы они добились освобождения Боэмунда. Недавно возведенный в сан Патриарх Бернард также предпринимал великие усилия, чтобы отплатить Боэмунду за то, что тот вызволил его из темницы. Танкред не препятствовал этим усилиям, хотя казалось, что возвращение Боэмунда пресечет его продолжавшееся благоденствие. Боэмунд вернулся, будучи выкупленным за

10 000 «Михаилов». Танкред вернул ему как то, что он получил от него, так и то, что он не получал от него. Первое он сделал добровольно, второе — против воли. Он был принужден передать Латакию, Мамистру, Адану и Тарс, которые он получил ценой собственных усилий, тому, кто был освобожден из оков и цепей. Так, лишенный всех своих владений и даже общества войска, он вынужден был вымалывать два малых города.

CXLVIII

Bellum movent Assyrii, Edessam circumdant, praelium committunt.

Interea bellum movent Assyrii, vicinamque infinita multitudine Edessam circumdant. Volat Antiochiam rumor: Boamundus opem ferre oratus non differt: transit Euphraten, patriarcha cum eo et Tancredus, Goscelinus quoque, qui tunc temporis urbem regebat Maresium, et ipse transit, secum ducens quidquid virium habet. Turci adventu Boamundi audito, Edessam dimittunt, abscedunt paululum Martis avidi, sed dissimulantes: ea quippe astutia fugam simulant, ut fallant advenas inconsulte secuturos: ut hi per nota ad tuta deveniant, illi ad periculum per ignota; ut hi ad panem, illi ad famem; ut hi ad armorum supplementa, illi ad detrimenta. Sic paulatim triduo ultra Carras urbem eliciendo, alii fallunt, atque alii falluntur: donec ad flumen Chobar venitur et transitur. Illi urbi belli dilatio Turcis jam sufficit; fugae obmissa simulatione, bellum cient, bellum voce, bellum manu exercent: consummatum esse de nostris putant, quasi transgressis fluvium erepta sit fugae libertas, fatigatis ex itinere vires. Nec longe a vero putandum est: sic est actum. Christiani ternis agminibus incedebant, Boamundus dextra: sinistra et parte et sorte comes Balduinus; ambo inermes, indeparati, improvidi. Tancredus in medio paratus, providus, armatus; Turci antecedeabant non longe quasi praevis, prope habentes excubias quae statum omnem Francorum nuntiarent. Lucis quadrans supererat, transierat dodrans, cum Franci castrametari incoeperant in ordine praescripto. Ergo ubi quis paratus, quis non, ab exploratoribus Turci agnoscunt: repente conversi, armatum Tancredum declinantes, hinc Boamundi, inde Balduini exercitum perturbant: neutri tegmina induere licet, nudo capite pugnant et pectore. Antiocheni resistere nituntur, nudi nequeunt, castris excedere coguntur. Illic hostibus circa sarcinas ambitiosamque suppellectilem occupatis, nostri respirant: sero qua licet, bello se aptantes, rerum damno salvant corpora, eas amittere lucrifacere vocant.

Глава 148

Ассирийцы идут войной и окружают Эдессу. Начинается битва.

В то время ассирийцы пошли войной и окружили Эдессу и ее окраины своим бесчисленным множеством. Когда его попросили о помощи, Боэмунд не медлил. Он пересек Евфрат в сопровождении Патриарха, Танкреда и Жослена, который в то время правил городом Мараш, привозя с собой все войска, что у него были в распоряжении. Когда турки прослышали о наступлении Боэмунда, они оставили Эдессу и отошли на небольшое расстояние от города, по-прежнему готовые к битве, но притворяясь, что дело обстоит иначе. Они разыграли отступление со всей искусностью, дабы без предупреждения напасть на преследовавших врагов. Одни прошли по знакомым тропам в безопасное место, в то время как другие шли неизвестными дорогами напрямик к опасности. Одни преследовали к припасам, в то время как другие продолжали путь навстречу голоду. Одна сторона следовала к подкреплениям, в то время как другая шла напрямик к потерям. Так они шли на протяжении трех дней, пока не миновали город Каррес [Харран], притом что одна сторона обманывала другую, а другая позволила себя обмануть. Все это продолжалось, пока они не достигли реки Чобар. Промедление в битве показалось туркам достаточным. Они отбросили свой обман и приготовились к войне устами и руками. Они думали, что обыграли наших мужей, что раз они пересекли реку, то для них нет надежды и что вся их сила иссякла. Вскоре за мыслью поспело дело. Христиане продвигались тремя колоннами. Боэмунд вел правую, граф Балдуин — левую. Никто из них не был облачен в доспехи [в кольчуги], оба были не готовы и оба не знали ничего о планах противника. Танкред был поставлен в центре. Он был на страже, готов и вооружен. Турки, бывшие неподалеку от них, впереди, словно авангард войска, посылали разведчиков, которые были близко и докладывали о положении в стане франков. По мере того как день перешел к четвертой четверти, а три четверти дня миновали, франки стали ставить лагерь в вышеуказанном порядке. Когда турки узнали от своих разведчиков, кто был на страже, а кто — нет, они предприняли неожиданное нападение. Они избежали войск Танкреда и атаковали армии Боэмунда и Балдуина. Ни один, ни другой не успели облачиться в доспехи и сражались они с непокрытой головой и открытой грудью. Антиохийцы пытались сопротивляться, но оказавшись беззащитными, они вынуждены были бросить свой обоз. Тогда, в то время как враги были заняты с их обозом и богатыми товарами, наши мужи смогли перехватить дыхание. Так, несмотря на

то, что они были искусными воинами, их тела были спасены потерей их имущества. Они почли эту потерю за удачное обретение.

CXLIX

Captivus ducitur Balduinus et Benedictus archiepiscopus qui a Tancredo liberatur.

At Edessani subito pereunt, nec sua, nec se tueri licet; capitur Balduinus, vinctusque abducitur; Benedictus quoque infelix archiepiscopus captus trahebatur, imposita humeris geminorum sarcina clavengorum. Is cum ante aciem Tancredi duceretur: Tancrede! Tancrede! fer opem exclamat, moveat te miseri poena Benedicti. Auditus est clamor, atque ubi, cujus esset, Marchisides agnovit; illico incurrit, liberat ac reducit, liberatum multo restituit, propter se dicit assistere, trementem solatur, praesente se docet nihil esse timendum. Dehinc ardenti hostes aggredi, vesper obstat, militiaeque dehortatio, noctis viciniam adesse objiciens: eadem objectio Boamundum tenet; placet in crastinum bellum differre. Interea noctis caligo orbem involvit, dispositis excubiis, principes corpora dant sopori; at vulgus, et quos non alebat curia, fugae invigilant .

Глава 149

Плененного Балдуина увозят, а Архиепископа Бенедикта спасает Танкред.

Но тогда мужи Эдессы неожиданно сдали. Они не смогли спасти ни своего обоза, ни себя самих. Балдуин был захвачен в плен и уведен в узах. Несчастливый архиепископ Бенедикт был также схвачен и уведен. Обоим закованным в цепи мужам навалили на плечи добычу. Но когда последнего уводили, в виду войск Танкреда, он крикнул: «Танкред! Танкред! Помоги мне! Да страдание Бенедикта подвигнет Тебя к жалости!» Когда сын маркиза услышал этот возглас и понял, откуда он идет и кто был перед ним, он бросился вперед, освободил его и отвел в безопасное место. Он предоставил освобожденному мужу мула. Поскольку он сказал, что поможет ему, он утешил трясущегося мужа и остался с ним, уверяя его, что более ему нечего бояться. В то время уже наступала ночь, и воины Танкреда высказались против его стремления вступить в битву. Эти же возражения остановили и Боэмунда, который решил воздержаться от боя до следующего

дня. Так, отправив вперед своих разведчиков, вожди легли спать. Однако простые воины, лишённые придворных удобств, думали о путях бегства, боясь судьбы, которая была им уготована на следующий день.

CL

Christiani fugam capiunt

Obstabat fluvius reditui, unum duntaxat habens vadum, reliqui cursus ripas prominentia sua impervias, illam quasi portam unicam vigiles observabant: ne per eam genti exterritae refugium pateret. Igitur tentatores fugae dum pauci sunt, vado arcentur: ubi multi, nequeunt arceri. Contemnitur edictum principis, ubi populum conturbat formido mortis: rumpunturque claustra prohibita, cum multiplicatur exundans turba. Sed et alii aliorsum a ripa ad ripam ligna trajecerant, quibus pro ponte utebantur: custodes itaque cedunt coacti, Boamundum excitant, custodiae vim illatam quaeruntur, fugam produnt, Tancredum quoque jam excierat rumor, parant reditum ambo, derelictos se a populo conspicantes. Aliis festinare libet ac praecurrere, Tancredo subsequi ac morari: ipse pro muro secuturis hostium telis opponitur, alii fugam maturant; ipse frenis, alii calcaribus utuntur. Misertus est tamen plebi suae Deus. Turcis fugitur ignaris, illos habebat sopor altus; dum fuga vigil calles supellectile ornat pretiosa: abjiciunt vestes, papiliones, vasa argentea aureaque, et quidquid grave est fugamque moratur: ipsa etiam vitae praesidium arma. Imber male fecerat vias, pulverem in lutum converterat, equi et pedi lubrico, et caudae sarcina tardabantur. Aderat Bernardus patriarcha, et ipse cum fugientibus fugiebat, et mula ejus lutosa cum tardis tardabatur. Nemo eis instabat, instantes tamen strictis ensibus, arcubusque intentis infinitos videre videbatur. Quam turbatus erat a timore oculus ejus, non minus interiore exterior! Igitur consortes fugae rogans rogat: «Audite, filii, audite patrem, abscidite hoc quod a puppi pendet remigium, non modo cursum non moderans, verum etiam tenens; abscidite, inquam, non erubesco in tempestate hac jumentum tergum premere decurtati, dummodo levati; abscidite, sic peccata vestra Deus abscidat, ego autem abscissoris omnia absolvo». Multi obseratis auribus transeunt, timor caecus aures obserabat, ne minis alium miserebat, adeo sua singuli affligebantur miseria: jam rauscerat clamando, cum a milite confuga, tandem remedium accipit, remissionis tamen praescriptae commercio. Absolvuntur scilicet duo in facto uno: miles a noxa, jumentum a cauda; miles dum caudam metit, in benedictionibus seminat, metit quoque de benedictionibus: dum ei patriarcha ore et corde et dextra benedicit. Messor itaque cum simul et caudam et

benedictionem messuisset, ad usque Edessam exinde sociat, cum eo currit cui facultatem currendi reddiderat ereptam.

Глава 150

Христиане отступают

Река преграждала им путь к отступлению, через нее был лишь один брод. Остальная же часть ее русла ограждена крутыми берегами. Стражи охраняли это место, словно бы это были [крепостные] врата, и дабы оно не позволило бежать испуганным людям. Они могли удерживать брод, если беглецов было немного. Однако, если бы бежавших было много, это было бы невозможно. Приказы командиров были отброшены приведенными в замешательство войсками из-за страха смерти. Так, они бросились к вратам, где разбухавшая толпа становилась все больше. Некоторые перебрасывали доски с одного берега на другой, в разных местах, надеясь использовать их как мост. Стражи были вынуждены отступить пред лицом такой силы. Стражи разбудили Боэмунда и пожаловались ему на войска, столкновение с которыми окончилось их бегством. Эти же известия подняли Танкреда. Оба вождя приготовились к отступлению, узнав, что они брошены собственными воинами. Некоторые отправились вперед, пока Танкред медлил, чтобы остаться позади. Он стал стеной против вражеских копий. Остальные приготовились к бегству. Одни использовали поводья, другие — шпоры. Господь сжалился над своим народом. Турки остались в неведении об отступлении. Они пребывали в глубоком сне, в то время как осторожное бегство христиан покрывало тропы ценностями из обоза. Они бросали одежду, палатки, серебряные и золотые сосуды и все остальные тяжелые предметы, которые замедляли их продвижение. Они даже бросали свое оружие, защищавшее их жизнь. Дождь испортил дороги, превратив пыль в грязь. Конные и пешие воины были скованы скользкой дорогой и тяжестями, что тащили за собой. Там был Патриарх Бернард. Он бежал с бежавшими, а его покрытый грязью мул увяз вместе с увязшими. Им казалось, что вокруг них бесчисленные полчища врагов с вынутыми из ножен мечами и луками. Его глаз был встревожен страхом, окружавшим его, [страхом] проявлявшимся не только в душах, но и на лицах. Поэтому, призвав своих товарищей по отступлению, он воззвал: «Услышьте меня, сыновья мои! Внемлите своему отцу! Отрежьте весло, прикованное к вашей корме. Оно не только не ведет вас по намеченному курсу, оно вас удерживает. Отсеките же его, говорю я вам. Мне не постыд-

но будет в эту грозу толкать зад этого животного, когда оно будет расседлано и освобождено от бремени. Освободите их. Как Господь отсекает ваши грехи, так я дарую отпущение всем, кто сейчас отсечет ненужное». Многие прошли мимо, с закрытыми ушами — ушами, закрытыми страхом. Никому не было дела до другого, каждый был охвачен собственным несчастьем. Тогда один человек, покинув ряды бегущего войска, принял предложенное в обмен на обещанное отпущение. Так, два вопроса были разрешены единым деянием. Воин получил отпущение грехов, а животное — освобождение от бремени. Когда воин освободил животное от бремени, он сеял благословения и пожинал их, поскольку Патриарх благословил его своими устами, своим сердцем и своей десницей. Так, воин стал жнецом, одновременно пожавшим и поклажу, и благословение. Вместе они проследовали в Эдессу; [архиерей] бежал вместе с тем, кто вернул ему возможность бежать.

CLI

Servanda datur Edessa Tancredo; hostes, captis vicinis oppidis, Arthasium ingrediuntur.

Populus quoque reliquus illuc conveniunt, et qui primatum obtinebant, postremi. Illic etiam conferunt quem Balduino debeant creare successorem, qui suae tantae molis pondera valeat sustinere. Tancredus eligitur dignus, ipse manet et regit: Boamundus vero Antiochiam remeat. Igitur divulgato [0586C] per urbes finitimas Francorum damno, Cylices, Syri, Phoenices exsultant, subacti pariter atque subigendi. Hi metum de corde excutiunt, illi de vertice jugum. Tharsum, Adana, Mamista in jus suum revertuntur, Graecos suscipiunt, nostrates extrudunt. Turci ingrediuntur Arthasium, totam usque pontem Farfar viciniam populantur. Postremo naves Graecae quam maxima multitudo Laodiciae portum replent; et ipsae armis plenae non minus fabrilibus atque bellicis bellum simul gerentes et fabricam. Caemento caementariisque advectis, fabricare incipiunt; saxa poscentibus parietinae abundant, munitur portus, surgit fabrica. Vix Boamundus rumorem acceperat, cum imperfecti operis spe impulsus, adventans omnia [0586D] invenit imperfecta. Stabat supra portus portam antiqua turre de nomine sancti Eliae cognominata, solius interstitio portus a novo opere abjuncta. Hanc quoque muniunt Graeci, et castro suo continuant, fabricato arcu super portum, usus gratia inter se ab hac praevii ad illud, et muniminis firmi ad remigium hostile arcendum.

Глава 151

Эдесса после своего спасения передана Танкреду.
Враг атакует Арту, захватив окрестные города.

Народ собрался там, и наконец туда явились предводители. Они держали совет о том, кого назначить преемником Балдуина и кто будет способен нести это тяжкое бремя. Танкред был избран как достойный и остался там, чтобы править. Боэмунд вернулся в Антиохию. Когда известие о поражении франков разнеслось по городам, Киликия, Сирия и Финикия возрадовались, [возликовали] как те, кто был покорен, так и те, кто мог быть покорен. Последние сбросили бремя страха со своих сердец, в то время как первые сбросили ярмо со своих шей. Тарс, Адана и Мамистра возвратились к собственному правлению. Они пригласили греков и изгнали наш народ. Турки атаковали Арту и разорили все земли до самого Оронта. Наконец, огромное число греческих кораблей наполнило порт Латакии. Корабли были наполнены оружием, а также мастерами и оружием, чтобы они могли одновременно вести войну и строить необходимое. Привезя с собой обработанный камень и каменщиков, они начали строить. Там было множество обрушившихся стен, нуждавшихся в камне. Гавань была укреплена, и строительные работы начались. Едва эти известия достигли Боэмунда, он в надежде, что работы еще не завершены, выступил, чтобы обнаружить, что все достроено. Старая башня, названная в честь святого Илии, возвышалась над воротами. Теперь ее отделяли от нового укрепления лишь ворота. Греки укрепили и их и соединили со своей крепостью. Отныне с цитаделью, возведенной над воротами, ворота служили для передвижений туда и обратно и для защиты от прохода вражеских кораблей.

CLII

Boamundus revocat Tancredum.

Videns Boamundus omnia adversari, Antiochiam revertitur, moxque de statu principatus sui in commune tractare disponit: Tancredum revocat, cui cum partiatur curas, apprime necessarium: vocatus ille nil pigritans adest, qui nihil unquam pigritando fecit. Habita itaque intra beati Petri basilicam concione, Boamundus sic orditur:

«Magna opus est, o proceres, hac in tempestate providentia, quam si negligimus, perimus. Invaluit contra nos gentilitas, vias nobis circumcirca obstruxerunt Graeci et Turci: geminas totius orbis opulentissimas

exasperavimus potestates; Constantinopolim et Persida. Oriens nos per terram territat, occidentis vero et terra et mari: nam ut alia omittam, Arthasium hactenus Antiochiae clypeus fuit, modo arcus intendit, modo in nos acuit sagittas: nos pauci sumus, et tamen semper de paucis fimus pauciores: valde imminutus est numerus noster, ubi unus est amissus comes Edessanus. Proinde vigilate, considerate attentis, quid in tanto rerum cardine sit agendum; ego quod sentio breviter exponam. Expetendae sunt nobis vires transmarinae [al. transalpinae], Galliarum populi concitandi, audacia illa aut nos liberabit, aut nulla. Utimini me, me, inquam, hoc in negotio ministro; ego pro salute vestra non recuso laborem, gratissimus est mihi meus ille labor, per quem vobis paretur quies».

«Prudenter atque manifeste expositam, o proceres! audistis tam robur hostium, quam infirmitatem nostram, originem quoque ac finem, causas et remedium. Pulchre, bene, recte super his disseruit dominus princeps noster Boamundus, nec dedignatus est morbo medicinam quaerere se offerre ministrum. Verum, o proceres! quorsumnam istud? an in nobis non est qui mitti possit? nisi is elongetur, qui potius longe positus fuerat acclamandus. Circumdante caulas luporum agmine, praesentia pastoris opus est non absentia; ille praesens periculo se opponit, canes incitat, praedones arcet, gregem liberat; idem, si absit, cessat latratus, crudescit rapina: ipse quiescit, grex dissipatur. Valde et merito socordiam meam increpabit auditor, ubi sonuerit Boamundum abiisse, mansisse domi Tancredum. At fortasse in verbo illo tentatus sum: ut quid animi habeam, audito eo, manifestem. Palam est voluntas mea, non reprimo aestuantem. Hoc pro salute communi periculum mihi expostulo, tutus aggredior, pro munere amplector: utque petitio assensum impetret, coram Deo polliceor sedulitatem in obsequio, celeritatem in reditu; ac ne qua forte ingenium meum crapula turbet, latice contentus, vinum nesciam, donec reducem me Antiochia excipiat. Subinde etiam fas mihi esto sub iisdem tegulis biduanam agere quietem; ante vero nefas. Haec meis si jusseritis onera libens humeris imponam: gravioribus ultro onerandus, si graviora imposueritis». Objicit Boamundus: «Magna res est de qua agitur, magno volumine tractanda, severae vix cuiquam personae impenetrabilis. Propositi est nostri graves excire potestates: hoc non cuiusvis hominum contingit, non potest gravia movere nisi gravis, magno opus est flatu, ut possit quercus alta radicibus evelli. Non audient Tancredum: vix, ah! vix, utinam Boamundum audiant, qui ad exsilii laborem vocandi, nunc placida compositi pace principantur. Quapropter de caetero jam, ne cujuspiam temeritas dispositioni meae occurrat, ire proposui: non est mutabile, stat fixum, solvendum est votum, quod mea fecit ferro compedita devotio. Absolverunt me beati Leonardi suffragia, ego votum visitandi eum, aut praemoriari, aut absolvam».

Глава 152

Боэмунд отзывает Танкреда.

Боэмунд, видя, что всё против него, вернулся в Антиохию. Вскоре после этого он обсудил состояние княжества со своими людьми. Он отозвал [в Антиохию] Танкреда, с которым он больше, чем с кем-либо, разделял бремена, привнесенные нуждой. Услышав призыв, Танкред не стал медлить, так как он никогда ни в чем не медлил. После того как собрание было созвано в базилике Святого Петра, Боэмунд обратился [ко всем] со следующими словами: «Задача, лежащая перед нами, о благородные сирь, поистине велика. Народы восстали против нас во всеоружии. Греки и турки окружают нас со всех сторон. Мы раздражили две величайшие державы мира, Константинополь и Персию. Восток устрашает нас с суши, Запад устрашает нас и с суши, и с моря. Более того, я не могу не сказать и о том, что Арта, которая была щитом Антиохии, теперь натянула лук и направляет на нас стрелы. Нас мало, и даже это наше небольшое число сокращается постоянно. Наши силы страшно ослаблены потерей графа Эдесского. Внемлите мне и подумайте хорошенько о том, что следует нам сделать в этот роковой час. Я расскажу вам вкратце, что я считаю нужным предпринять. Мы должны искать помощи у наших людей, за морем. Народы галлов должны быть подняты. Или их храбрость освободит нас, или нас уже ничто не спасет. Используйте меня, говорю я вам, используйте же меня! Я буду вашим агентом в этом деле. Дабы обеспечить вашу безопасность, я не отступлюсь от намеченного. Я приветствую эти труды, дабы через них я даровал вам роздых». Когда он закончил и сел, Танкред встал и сказал: «О благородные сирь, эта задача представлена нам мудро и ясно. Вы слышали о силе врага, о нашей слабости, об истоках и исходе, о причинах и исцелении. Наш господин князь Боэмунд обрисовал все великолепно, ясно и верно. Он не преминул назвать лекарство от этой болезни и изъявил готовность лично его доставить. Но благородные сирь, почему это должно быть так? Неужели среди нас нет никого, кто мог бы быть отправлен, и неужели среди тех, кто пребывает вдалеке от нас, никто не может быть призван? Когда стая волков окружает овчарню, задача пастыря быть со стадом, а не покидать его. Когда он пребывает со стадом, он призывает собак, он отгоняет воров, он освобождает стадо. Но когда пастырь отсутствует, лай собак прекращается, а грабежи учащаются. Когда он безмолвствует, стадо разбегается. Слушающий справедливо и со всей силой будет порицать меня за глупость, когда просльшит о том, что, когда Боэмунд уедет, Танкред останется дома. Но, возможно, именно эта мысль меня и сдерживает, и я вынужден ясно

открыть, что лежит у меня на душе, после того, что было произнесено. Это моя ясная воля, и я не намерен молчать о своем желании. Ради общего блага я оставляю себя в опасности. Я выступаю, будучи надежно прикованным к этой задаче. Дабы моя просьба нашла должную поддержку, я обещаю перед Богом, что я буду преследовать указанную цель [путешествие на Запад для созыва нового крестового похода. — С.Б.] со всем возможным рвением и что я быстро вернусь. Более того, дабы пьянство не расстроило моих намерений, я буду довольствоваться лишь водой и откажусь от вина до возвращения в Антиохию. Разрешите мне остаться на два дня под этой крышей — это просьба, которой я раньше постыдился бы. Я добровольно возложу эту задачу на свое плечо и понесу более тяжкие бремена, если вы возложите их на меня». Боэмунд возразил на эти слова: «Дело, которое сейчас мы рассматриваем, имеет огромное значение и едва ли увенчается успехом, даже под руководством человека с великим опытом. Наша цель — поднять многочисленные войска. Это не то, чего может добиться обычный человек. Нужен опыт, чтобы осуществить столь важные деяния. Для того чтобы вырвать великий дуб вместе с корнем, нужен великий ветер. Они не послушают Танкреда. Те правители, ныне живущие в мире, едва ли внемлют некоему Боэмунду, когда их призовут потрудиться вдали от дома. Так, покамест чье-то еще рвение не воспрепятствовало моему намерению, я вызываюсь поехать. Это устремление должно быть осуществлено, и свою веру я дополню своим мечом. Милости святого Леонарда освободили меня. Я исполню свою клятву, посетив его, или я умру, пытаюсь».

CLIII

Boamundus relicta Tancredo Antiochia omnibus destituta transfretat.

Conticitum est de caetero, neque ultra a quoquam voluntati principis obviatum, quoniam quidem notum est in populis proverbium, lex sequitur regem, quo vult rex ducere legem. Paratur ergo navigium, habent remiges paratos denae biremes, quibus trinae simplicis remigii sociantur, quas vulgo sandalias vocant. Hoc Boamundus contentus numero, in conspectu classis Pelasgae transfretat, relicta Marchisidae Antiochia. Asportantur aurum, argentum, gemmae, pallia; urbs absque tutela, absque stipendiis, absque stipendiariis Tancredo relinquitur. Habuisse me veridicos memini relatores, qui in ea penuria illum vini abstinuisse praedicarent, aquae simplicis haustu contentum. Dumque vel modico uti Lyaeo propter stomachum

blande moneretur: Sinite me, aiebat, cum abstinentibus abstinere; fixum fixi de genimine vitis nolle accipere, donec omnibus sufficiam dare: absit ego crapula distendar, commilitones mei inedia marcescant!

Глава 153

Оставив Танкреду Антиохию лишенной всего ее богатства, Боэмунд отбывает.

Все застыли, и никто не возражал воле князя, поскольку все знали пословицу: «Закон следует королю туда, куда король желает повести закон». Так, был подготовлен флот. Там было десять галер и три других корабля с одним рядом весел, именуемых «сандалии» [sandaliae]. Боэмунд был доволен этим числом. Он проплыл в виду греческого флота, оставив Антиохию сыну маркиза. Он забрал золото, серебро, драгоценные камни и одежды. Город был оставлен Танкреду без защиты, жалованья или наемников. Честные мужи говорили мне, что Танкред был оставлен в такой нищете, что он воздерживался от вина и довольствовался водой. Когда его призывали отпить немного вина, для лечения желудка, он говорил: «Оставьте меня воздерживаться с воздерживавшимися. Я принял решение не вкушать от плода виноградной лозы, пока его не будет в достатке для того, чтобы дать каждому. Не подобает мне размягчать себя в пьянстве, пока мои товарищи-воины истощаются от голода».

CLIV

Jamque soles fere quadraginta inopia pertingebat, cum pleno cornu copia adest, aurumque non modicum coeli pluunt. Quidam de civibus penuria curiae audita, misericordia motus Tancredum adit, postulansque mercedem statim impetrat, ut penuriam levet, opem ferat. «Habet, inquit, urbs ista centenos cives, singulis quorum marsupiis facile est aureos effundere millenos. Rogati non tenebunt; tu, domine, roga, ego nomina patefaciam quae roges». Obtemperatur consilio, nominantur scribendi, scribuntur vocandi, vocantur rogandi, rogantur intus missi. Incusatur urgens necessitas, in quo petitio praesens excusatur, fulcit excusatam retributio promissa, ut non tam sub nomine doni quam mutui peti videatur: nec reticetur vicina hostilitas, non repellenda nisi armati occurrerint, nec occursuri nisi auro intercedente provocati. Tot confluentibus in unum causis, demum efficitur, ut praescriptus

aureorum numerus impetretur; quibus receptis Marchisides confortatus, militiam confortat, jacentem suscitatur, inermem armat, supplet numerum qui exciderat, neque donec deficiat aureus, cessat augere militarem. Exinde prostrata resurgere coepit Antiochia, et de territa fore terribilis. Arthasium statim aggreditur, quae cum aliis matrem infestabat, omnium tam acerbissima quam proxima Syrorum. Hanc igitur primam Tancredus circumdat ad cujus ictus vix stant turres silicibus concussae; quod audiens Raduanus Kalepti rex cum triginta millibus accurrit adversus paucitatem in multitudine confidens: Arthasienses quoque illi se jungunt, omnes adversus Antiochiam.

Глава 154

Миновало почти сорок дней, когда с небес обрушился огромный запас зерна и множество золота. Один из горожан, прослышав о нищете двора, был тронут жалостью и пришел к Танкреду. Он потребовал награду и получил ее, дабы сбросить эту бедность. Он сказал: «В городе сотни граждан, у каждого из которых есть кошелек, способный излить тысячи золотых монет. Если их попросить, они не утаят их. Попроси же, господин мой, я дам тебе имена тех, кого следует попросить». Танкред последовал этому совету. Имена этих мужей были названы и записаны. Когда их приводили [во дворец], они их просили. В качестве причины для текущих требований была названа срочная нужда. Обещание награды подкрепляло требования. Не умолчали они и о врагах, которые были близко и которых нельзя было изгнать без воинов. Было также указано, что воинов нельзя отправить без золота. Все эти аргументы проистекали вместе, так что требуемая сумма золота была, в конце концов, собрана. Когда Танкред получил золото, сын маркиза, наконец, был утешен и, в свою очередь, утешил воинов. Он вселил дух в тех, кто пребывал в упадке, вооружил тех, у кого не было доспехов, заменил тех, кто умер. Пока ему позволял собранный запас денег, он не прекращал наращивать свои военные силы. Антиохия, лежавшая ниц, теперь начала восстанавливаться. Испытывая ужас, она начинала внушать ужас. На Арту напали немедленно. Это место, вместе с другими, само напало на свою мать [Антиохию]. Воистину, это было самое близкое [к нам] и самое горькое [для нас] поселение во всей Сирии. Танкред вначале окружил поселение; затем, под ударами камней, едва устояли ее [Арты] башни. Когда Рыван, царь Алеппо, прослышал об этом, он выступил во главе 30 000 воинов против малого войска, доверившись своей многочисленности. Мужики Арты присоединились к нему, и все они выступили против Антиохии.

CLV

Arthasio Raduanum expellit.

Erat media inter eos planities scopulosa, per quam utcunque caballis ire, currere vero omnino non licebat: vel si quando ad cursum quispiam cogeretur, nec pedem ungula, nec ungulam ferrum tueri poterat, quin cautes aspera calcem permoleret equinam, equus atque eques ruerent prostrati. Tancredus, ea re cognita, paululum secedit, illuc hostibus permittit accedere, qua loci difficultas fugam remoretur, quod Raduanus aut negligens, aut ignorans, hac militiam impetit Christianam; illa tanquam [0589B] torpida loco manet, sustinet donec lancea suum habeat tempus. Jamque praetergressis loca aspera Turcis, Tancredus quasi a somno excitatus in mediis fulminat: illi facile terga vertunt sperantes, ut est moris, fugiendo gyrare, gyrando sagittare. Delusae sunt aut eorum spes et artes, deluserunt eas lancea et via: altera urgens, altera cursus impatiens: haec tergum fodit, illa gradum sistit. Inutiles igitur equi, pharetrae et arcus abjiciuntur, confiditur pedibus propriis, ubi diffiditur alienis, suis quantum licet utuntur: humani sunt, mallent esse cervinos: ne tamen nihil egerit Raduanus, paucos Christiani nominis sagittavit, reliquam operam dedit fugae; sagittarii ejus, pars evadit saucia, nonnulli caesi prosternuntur.

Глава 155

Изгнание Рыдвана у Арты

Между Антиохией и Артой расположена каменистая равнина, через которую лошади могут пройти, но не галопом. Если бы там заставили лошадь бежать, копыто не защитило бы ее ногу, а подкова — копыто. Острые камни пронзили бы лошадиные ноги, и лошадь вместе с всадником повалилась бы наземь. Танкред, зная об этом, отступил немного и позволил противнику наступать, дабы препятствия самой местности сделали бы невозможным его отступление. Рыдван либо не обратил внимания на это обстоятельство, либо вообще не знал о нем; он атаковал христианское войско. Христиане держали строй, как оцепенелые, пока их копья не были готовы. Тогда, когда турки прошли по жесткой местности, Танкред бросился вглубь их рядов, словно бы пробужденный ото сна. Турки быстро отступили, надеясь, как было у них принято, развернуться и стрелять при отступлении. Однако их надежды и уловки были расстроены — копья христиан и сама местность от них ничего не оставили. Первые давили их, вторая — замедляла их путь. Копья били их в спину, а путь преграждал их бегство. Их лошади были бес-

полезны. Они отбросили свои колчаны и луки и доверились собственным ногам. Когда их лошади не справились, им осталось лишь полагаться на самих себя. Они были людьми, но желали [в этот час] стать оленями. Надеясь избежать полного поражения, Рыдван пускал стрелы в некоторых христиан. Однако остальные пустились в бегство. Некоторые из его лучников остались невредимыми, но многие были убиты.

CLVI

Antiochiam victor revertitur. Apamiam circumdat.

Victor itaque Tancredus Arthasium recipit: ea munita, Antiochiam revertitur; confortata spoliis infidelium fides, imo quasi a mortuis resurgens expergiscitur, renovato principe gaudet fortunam renovari: ipse etiam accipitri conformandus, cui negata diu volandi licentia, longus carcer animos tabefecit; ea demum reddita, si missi ad rapinam primos impetus fortuna juverit, in desiderio sunt secundi, visaque gruum caterva, tenentem vexat, opportune, importune super volitans. Ardore pari Tancredus inflammatur, ubi nactus victoriam, spoliis Calepti ditescit. Jamque Laodiciam novam aggressurus, monetur veterem multiplicatis bellatoribus fulcire: ipse Apamiam reliquo exercitu circumsepiat; factumque est ita. Repondit Tancredus Graecis vicem, qui castrum castro opposuerant, nunc contra ipse Castrensibus Castrenses obfirmat: Apamiam vero non plurimo, sed strenuo milite circumdat, quasi morti addicto et ipse addictus. Prope Sysara, prope Haman, prope Raphania, prope alia complura tam oppida quam urbes, omnia minis plena et hoste fremiscunt. Obsident ergo Christiani urbem unam, Christianos vero urbes multae; annonam qui quaerere egent nequeunt, nisi bipertito exercitu; pars altera maneat, altera exeat: sic divisi periculum declinant, quod vix sufficiant congregati. Deo sunt haec ascribenda, non viribus humanis, palam pro Christianis Christus dimicat.

Глава 156

Танкред возвращается в Антиохию как победитель.

Он осаждает Апамею.

Танкред взял Арту, как победитель. Затем, оставив там гарнизон, он возвратился в Антиохию. Верные были утешены добычей, взятой у неприятеля, и были пробуждены, словно восстав из мертвых. Радостно было и то,

что удача обновленного князя также была обновлена. Но он был подобен ястребу, которому долгое время не давали летать и чей дух ослаб из-за долгого плена. Когда его наконец-то освобождают и удача дарует ястребу возможность схватить добычу, это кажется ему уже второстепенным. Если он заметит стаю журавлей, он вначале нападет на сокольника, а затем вознесется ввысь, чтобы атаковать [журавлей]. Танкред горел таким же рвением. Когда он обрел победу, он разбогател благодаря алеппской добычи. Теперь же, готовясь напасть на новую Латакию, он был предупрежден, что старый город был укреплен многочисленными войсками. Сам же он выступил с остальной частью своего войска к Апамеи. Так было сделано: Танкред оплатил грекам сполна, тем, кто поставил крепость против его собственной крепости. Теперь же он блокировал гарнизон своим собственным гарнизоном [речь идет о блокаде Латакии, протекавшей параллельно с осадой Апамеи. — С.Б.]. Он окружил Апамею малочисленным, но сильным войском. Все они были готовы к смерти, как сам он был [всегда] готов к смерти. Рядом были расположены города Сисара [Шейзар], Хама, Рафания и многие другие — большие и малые — города. Все они были преисполнены опасностями [для франков] и наполнены врагами. Христиане осаждали один город, а множество городов осаждали христиан. Когда им нужно было зерно, они не могли выйти на его поиски, не разделив свое войско надвое. Одна часть оставалась на месте [держит осаду], вторая выступала [на сбор фуража]. Будучи так разделенными, они смогли отвращать напасти, которые едва могли отбивать вместе. И это обстоятельство следует приписать скорее Господу, нежели силе человеческой. Христос открыто воевал на стороне христиан.

CIVII

Summa Laodicensium necessitas.

Nuntiatumque ei de Laodicensium suorum penuria, quod data pascendis ipsis alimenta defectum minarentur: in proximo aut ingressuram fore cererem, aut egressuram manum bellatricem. Ingressum autem prohibebat magnus hostium numerus, qui per compita insomnes excubabant. Turbatus nuntio princeps (noverat enim quia sola fames urbes asserit, nescit plebes jejuna timere) in partes varias animum fundit: ane habendum postponat habito, an habitum habendo. Durum est multum labore partam Laodiciam abdicere, grave Apamiam ex facili parandam dimittere: nam quasi impossibile constat esse, ut et hoc faciat, et illud non omittat. At virtus quae sola res

impossibiles ad possibilitatem redigit, virum confortat: monet petentibus opem cursim succurrere, mansuros ad castrorum regimen milites sic hortari: «Eia, Christi martyres! parate fundi atque fundere pro eo sanguis; constantes estote: bene coepistis, bene consummate: non vos terreat paucitas vestra; non est victoria in numero, sed in Dei virtute».

Глава 157

Великая нужда мужей в Латакии

Танкред получил известия о бедственном положении своих людей в Латакии. Несмотря на то, что отправляя им провизию, они столкнулись с нехваткой, от которой страдали. В ближайшем будущем либо они должны были получить зерно, либо же войска вынуждены будут отойти. Великое множество врагов не давало им возможности передвигаться, поскольку они без усталости держали дозор у дорог. Князь был встревожен этим известием, потому что знал, что только голод способен спасти города. Голодающий народ не знает страха. Он взвешивал различные обстоятельства. Он думал о том, что ему дороже: [дороже ли] то, что он может получить в будущем, чем то, чем он владеет сейчас? Дороже ли то, чем он владеет сейчас, чем то, что он может получить в будущем? Было сложно отказаться от осады Латакии после стольких усилий. Было сложно отказаться от осады Апамеи, когда ее уже можно было с такой легкостью взять. Казалось бы, невозможно предпринять одно без другого. Но храбрость — единственное, что делает невозможное возможным, — принесла утешение этому мужу. Он уведомил тех, кто обращался к нему с просьбой, что он скоро придет им на помощь. Он ободрил воинов, оставшихся оборонять лагерь, словами: «Услышьте меня, мученики Христовы! Приготовьтесь к тому, что и вашу кровь прольют, и вы прольете кровь во славу Его! Оставайтесь стойкими! Вы хорошо начали. Завершите начатое столь же хорошо. Да не испугает вас ваша малочисленность. Победа дается не числом, но силой Божией!».

Radulfus Cadomensis (Ralph of Caen)

GESTA TANCREDI

In the 40th issue of the Historical Reporter, in the Sources section, the reader will find the Latin original and Russian translation of the final 18 chapters of The Deeds of Tancred (Gesta Tancredi) by Ralph of Caen. This is the first attempt, in Russian historiography, to translate the aforementioned part of the well-known work, which has notable significance for the study of Norman expansion in the Mediterranean, the Crusades and the formation of the landscape that became known as «Outremer» («The Land Beyond the Sea») or the Latin East. The re-publication of the original (Latin) text and the first ever publication of the Russian translation are aimed at drawing the attention of professional researchers, as well as a wide range of readers, to the part of Ralph's history, that deals with the first five years that followed the Crusader conquest of Jerusalem (1100–1105), and which – taking into account the author's rather emblematic worldview – depict the events not merely from a generally «Latin» or «Frankish», but from a peculiarly Norman perspective.

In the seventeen chapters, Ralph of Caen describes the Easter pilgrimage of Prince Bohemond I of Antioch and Count Baldwin I of Edessa to Jerusalem; the election and enthronement of the first Latin Patriarch of Jerusalem; Bohemond I's capture in the Battle of Melitene; the death of Godfrey of Bouillon; the succession of Crusader rulers in Antioch, Edessa and Jerusalem (1100–1101); the Tancred's conquest of Cilicia (1101); the Second Norman Siege and capture of Latakia (1101–1103), supplemented by a unique description of the city itself; the Battle of Harran (1104), with the subsequent retreat to Edessa and the series of military disasters for the Normans (including the second Komnenid conquest of Cilicia and Latakia); Bohemond I's departure to the West; the start of Tancred's new campaigns, notably, the sieges of Apamea and Latakia (1105–1106).

Introduction and translation of the text by:

Sergei P. Brun – research fellow at the Moscow Kremlin Museums.

Перевод текста и комментарии:

 Брюн Сергей Павлович

научный сотрудник Музеев Московского Кремля